

УДК 821.133.1-053.6

ББК 84(4Фра)-44

П18

Издание осуществлено в рамках Программ содействия *Programme*
издательскому делу при поддержке Французского института *A.Pouchkine*
Cet ouvrage a bénéficié du soutien des Programmes d'aide à la publication de l'Institut
français

Автор обложки Татьяна Перова

Пари, Жиль.

П18 Я хотел убить небо. Автобиография Кабачка [для ст. шк. возраста :
12+] / Жиль Пари; пер. с фр. Иры Филипповой ; [авт. обл. Т. Перова]. — М. :
КомпасГид, 2019. — 336 с.
ISBN 978-5-00083-391-9

«Я всегда хотел убить небо, с раннего детства. Когда мне исполнилось девять — попробовал: тогда-то я и познакомился с добродушным полицейским Реймоном и попал в „Фонтаны“. Здесь пришлось всем объяснять, что зовут меня Кабачок и никак иначе, пришлось учиться и ложиться спать по сигналу. Зато тут целый воз детей и воз питателей, и никого из них я никогда не забуду!»

Так мог бы коротко рассказать об этой книге её главный герой. Не слишком образованный мальчишка, оказавшийся в современном французском приюте, подробно описывает всех обитателей «Фонтанов», их отношения друг с другом и со внешним миром, а главное — то, что происходит в его собственной голове. Каково это — быть сиротой, который не нужен никому? А если ты нужен кому-то, что при этом меняется? В этой книге много того, что трогает до глубины души и помогает вспомнить, что детские мечты должны сбываться. «Автобиографию Кабачка» хочется разобрать на цитаты, чтобы показывать их всем взрослым, которые почему-то так быстро забывают, что значит быть ребёнком.

Жиль Пари (родился в 1959 году) нечасто издаёт новые тексты: один роман в десять лет — обычный темп этого бывшего журналиста, знатока литературы и киномана. Зато каждая его книга — словно бриллиант: нет в них ни лишних слов, ни проходных эпизодов. На русский язык «Автобиографию Кабачка» перевела Ира Филиппова, подарившая российским читателям книги Жан-Филиппа Арру-Виньо, Тимоте де Фомбея, Франсуа Пласа и многие другие.

Написанная в 2002 году «Автобиография Кабачка» хороша известна во Франции: она была экранизирована дважды, один раз как телевизионный фильм, другой — как анимационная картина. Жилю Пари приходится отбиваться от бесчисленных вопросов: «Кабачок — это вы?» Он неизменно отвечает: «Кабачок — это каждый из нас. Хотя бы чуть-чуть».

УДК 821.133.1-053.6

ББК 84(4Фра)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Autobiographie d'une Courgette, by Gilles Paris

© Plon, un département d'Edi8, 2002 & 2016

Published by arrangement with Lester Literary Agency

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

ISBN 978-5-00083-391-9

Посвящается Лорану С.

От автора

Я выражаю искреннюю благодарность Жаклин Виалатт, директору приюта «Прессуар дю Руа», а также воспитателям и психологу за бесценные подсказки, которые очень помогли мне написать эту книгу. Я благодарю также Паскаля Лагарда, учителя из Форже, и Мари-Анн Болон, судью по делам несовершеннолетних из Бобиньи.

Мне бы не хотелось, чтобы эти люди пытались узнать себя в героях «Автобиографии Кабачка»: и сюжет, и все персонажи в книге вымышленные.

Приют «Прессуар дю Руа» и школа в Форже стали для меня источниками вдохновения, а также снабдили необходимыми фактическими и юридическими сведениями; ну а уж остальное довершила авторская фантазия.

Поэтому я надеюсь, что мне простят некоторые вольности, которые я мог допустить в этой книге о детском приюте, расположенном где-то во Франции.

Я всегда хотел убить небо, с раннего детства.

Потому что мама всё время говорила:

— Знаешь, Кабачок, зачем небо такое большое? Чтобы мы тут внизу не забывали, что сами-то мы — так себе, мелкота.

Или:

— Жизнь — это паршивая копия серого неба с уродскими тучами, из которых льются одни только несчастья.

Или:

— Мужики вечно витают в облаках. Вот пусть бы там и оставались, как твой папаша, который поехал в кругосветное путешествие с этой своей козой.

Мама иногда несёт полную чушь.

Я был совсем маленьким, когда папа уехал, но до сих пор не понимаю, кому может прийти в голову взять с собой в кругосветное путешествие козу. Это ведь глупая скотина: если подлить козе в еду пиво, она выпьет, а потом скачет по сараю как сумасшедшая.

Но вообще мама не виновата, что мелет ерунду. Это у неё тоже от пива, она пьёт его всё время, пока смотрит телевизор.

Выпивает — и давай ругаться на небо и бить меня, даже когда я ничего плохого не сделал.

И я в конце концов начинаю думать, что небо и мамины побои — две части одного целого.

И если я убью небо, мама успокоится, и тогда я смогу с чистой совестью смотреть телевизор и не бояться, что мне за это влетит по первое число.

Сегодня среда.

Учительница говорит, что это «детское воскресенье»^{*}.

А я бы лучше пошёл в школу. Мама смотрит телевизор, и мне хочется поиграть в стеклянные шарики с Грегори, но Грегори живёт далеко, а ночевать у нас ему больше не разрешают, с тех пор как наши мамы поссорились из-за мяча и разбитого окна. Мама сказала по телефону, что Грегори — бездельник, и бросила трубку, на прощанье обозвав маму Грегори уличной девкой, потому что та прокричала ей, что уж лучше иметь сына-бездельника, чем самой быть алкоголичкой.

Я говорю маме: «Пойдём поиграем в шарики», а она говорит телевизору: «Осторожно, сзади! Он тебя убьёт!», я тогда снова спрашиваю про шарики, а мама продолжает разговаривать с телевизором:

^{*} В большинстве французских школ по средам дети не учатся. —
Здесь и далее примечания переводчика.

«Нет, ну и придурок», и я не знаю точно, придурок — это я или тот месье, которого только что прикончили, а ведь мама его предупреждала.

Я поднимаюсь к себе в комнату и смотрю в окно на соседского мальчика, он всегда играет сам с собой, ему никто не нужен. Залезает на свинью, как будто это ему осёл, и смеётся себе под нос. Мне становится грустно, и тогда я иду в мамину спальню, там не заправлена постель и одежда разбросана по полу, я застилаю постель и подтаскиваю стул — мне нужно на него забраться, чтобы сложить вещи с пола на самый верх горы грязной одежды, которая выросла на бельевой корзине, а потом я уже не знаю, чем ещё заняться, поэтому роюсь в шкафах и в ящике комода под ворохом неглаженных рубашек обнаруживаю револьвер.

Я страшно доволен и думаю: «Пойду поиграю в саду». Прячу револьвер в штаны и выхожу из дома с таким видом, как будто не происходит ничего необычного.

Впрочем, мама всё равно на меня не смотрит, она говорит телевизору:

— Эта дура не для тебя, мой мальчик!

Я прихожу во двор, и мне даже целиться не надо. Небо — оно ведь большое.

Я стреляю один раз и падаю.

Я поднимаюсь на ноги и стреляю второй раз — и снова падаю.

Мама выходит из дома. Она хромот, потому что у неё больная нога, и кричит: «Чё тут творится?», а потом видит меня с револьвером в руке и кричит: «О господи, ну за что мне такой Кабачок? Ты совсем как твой папаша! А ну давай сюда эту фигню».

И пытается отобрать у меня револьвер.

Я говорю: «Но это ведь для тебя, я не хочу, чтобы ты на меня кричала», и не выпускаю револьвера из рук, и тогда мама падает на спину.

Она орёт: «Вот дерьмо!», хватается за больную ногу, я спрашиваю: «Тебе больно?», и она пинает меня другой ногой, той, на которой обычно прыгает, и потом вопит: «А ну отдавай быстро, я два раза повторять не буду!» Я тогда говорю: «Ты уже и так два раза повторила», — и не отдаю ей револьвер, и тогда она кусает меня за руку, но я держу револьвер очень крепко и тяну его к себе изо всех сил, раздаётся выстрел, и мама опрокидывается назад.

Я долго лежу в траве и смотрю на небо.

Я надеюсь разглядеть витающего в облаках папу, чтобы он мне сказал, что делать.

Небо я так и не убил.

Всего лишь прострелил дырки в тучах, из которых льются одни только несчастья, а может, это папа шлёт мне с неба слёзы, чтобы я мог смыть кровь с маминого домашнего халата.

Сначала я подумал, что она уснула или притворяется, чтобы надо мной подшутить, хотя это вообще-то не самая весёлая шутка, особенно после того несчастного случая.

Я легонько трясу маму.

Она похожа на мягкую тряпичную куклу, и глаза у неё широко открыты. Я вспоминаю про детективные фильмы, в которых всё время убивают женщин и потом они всегда похожи на мягких тряпичных кукол, и тогда я говорю себе: «Ну вот, я убил маму».

В этих фильмах никогда не показывают, что происходит с тряпичными куклами дальше, поэтому я просто жду, и наступает ночь, и я сильно проголодался и иду в дом, чтобы съесть бутерброд с майонезом, а потом больше уже не решаюсь выйти.

Я думаю про живых мертвецов, которые встают из могил и приходят пугать людей, у них ещё бывают в руках топоры и глаза болтаются.

Поэтому я лезу на чердак — я знаю, что мама со своей негнущейся ногой туда не долезет.

Я сижу на чердаке и ем яблоки: играть ими в футбол мне не хватает смелости.

А потом засыпаю.

Когда я открыл глаза, в доме было очень шумно, и я испугался, что это живые мертвецы и мягкие тряпичные куклы зовут меня по имени.

Меня никто, кроме учительницы, не называет Икаром.

Для всех я — Кабачок.

А потом дверь чердака отворилась, и я увидел месье, которого никогда раньше не встречал, он вроде не был похож на живого мертвеца, но мертвецы хитрые и могут притворяться людьми, как в сериале «Захватчики», и я стал отстреливаться яблоками, которые у меня как раз были под рукой, и месье свалился с лестницы.

Потом я увидел соседского мальчика, который явился с целой толпой полицейских.

Один из них сказал: «Осторожно, тут яблоки», потому что поскользнулся на них, и тогда соседский мальчик закричал: «Ты убил моего папу!», а другой полицейский сказал: «Нет, твой папа просто сильно ударился», а потом этот самый папа встал, и они толпой двинулись на меня, и я сказал себе: «Ну всё, конец фильма».

Я закрыл лицо руками и стал ждать, что сейчас мне влетит по первое число, и тут кто-то погладил меня по голове, и я тогда растопырил пальцы, и соседский папа сидел рядом со мной на корточках и спрашивал меня: «Малыш, ты видел, кто это сделал?»

Все полицейские смотрели на меня, и соседский мальчик тоже.

Мне было немного страшно оттого, что все на меня смотрят, и я дрожал, а потом услышал, как чей-то низкий голос сказал: «Оставьте нас одних, вы же видите, ребёнок напуган».

Все разошлись, остался только полицейский с низким голосом, он разгрёб яблоки и уселся на пол. Из-под его рубашки выглядывал большой белый живот.

— Сколько тебе лет, Икар?

Я посчитал на пальцах, как нам показывала в школе учительница, и сказал:

— Девять.

Он достал из кармана маленькую тетрадочку и что-то в ней записал. А потом его низкий голос стал совсем тихим, и он спросил, что произошло, и я рассказал ему про живых мертвецов, и про мягких тряпичных кукол, и про «Захватчиков», которые переодеваются в людей.

Полицейский приподнял фуражку, почесал затылок и сказал, что его зовут Реймон и что я могу его прямо так называть.

— Хорошо, — ответил я. — Но ты тогда зови меня Кабачком.

Он ничего не сказал, а потом спросил очень тихо (так тихо, что мне даже пришлось попросить, чтобы он повторил вопрос):

— Как это произошло с твоей мамой?

— А, это всё из-за неба.

Полицейский посмотрел на свои грязные ботинки и переспросил немного странным голосом:

— Из-за неба?

И тогда я рассказал ему про папу, который витает в облаках, и про «пежо-404», который врезался в старый дуб и сломал маме ногу, и про месье, который присылает ей каждый месяц деньги на еду и на рубашки моего размера.

— А папа твой где? — спросил Реймон.
— Папа уехал в кругосветное путешествие с козой.
— Бедный малыш. — И полицейский погладил меня по голове.

Я чувствовал себя странно оттого, что все эти люди гладят меня по голове, поэтому слегка отодвинулся.

— А мама с тобой хорошо обращалась? — Он снова снял фуражку, волосы под ней были мокрые, и на лбу от неё отпечатались следы.

— Ну да, она готовит вкусное пюре, и иногда мы смеёмся.

— А когда не смеётесь?

Я подумал и спросил:

— То есть когда я сижу на чердаке?

— Да, когда ты сидишь на чердаке.

— Ну, на чердаке я сижу, когда плохо себя вёл и не хочу, чтобы она ударила меня по щеке, а то потом надо тереть щёку, пока следы от пальцев не исчезнут. У неё нога не гнётся, так что на чердаке можно не бояться.

— И что ты сделал, когда в последний раз плохо себя вёл?

— Ну... Наверное, в последний раз я вёл себя плохо вчера, когда играл с револьвером.

— Револьвер — это не игрушка, малыш.

— Я не хотел один играть в шарики, а мама смотрела телевизор, и Грегори больше к нам не приходит,

так что мне нечем было заняться, я даже со свиньями не умею разговаривать, как соседский мальчик.

— Хорошо, хорошо... — сказал Реймон и спросил: — А где ты взял револьвер?

Он спрашивал, а сам опять чесал затылок, я даже подумал, может, у него вши или ещё что.

— В маминой спальне.

— Мама разрешала тебе брать револьвер?

— Нет, я даже не знал, что он у неё есть.

(Я не решился сказать, что немного порылся в её вещах.)

Реймон пожевал карандаш, как будто это травинка.

— А потом что произошло?

— Я вышел во двор с револьвером и стал играть.

— Это ведь не игрушка.

— Ты это уже говорил, месье. Если бы ты был здесь вчера, мы бы могли поиграть в шарики.

— Я просил, чтобы ты называл меня Реймоном. Итак, револьвер. Ты что же, стрелял из него?

— Да, я хотел убить небо.

— Убить небо?

— Ну да, небо, потому что там тучи, из которых льются одни только несчастья, и мама из-за этого всё время пьёт пиво, кричит и бьёт меня то по голове, то по заднице, и потом у меня надолго остаются следы от пальцев.

— Мама тебя била?

— Сначала — только если я что-нибудь натворил, а потом стала кричать и бить просто так, ни с того ни с сего, и тогда я забирался на чердак и спал с яблоками.

Реймон записывал не знаю что в свою тетрадочку и высовывал язык от усердия — я даже рассмеялся.

— Почему ты смеёшься, малыш? — пробасил Реймон.

— Ты высовываешь язык, как жирный Марсель, когда он пишет то, что диктует учительница.

Полицейский улыбнулся и снова почесал голову, и я спросил, может, у него вши, а он ответил, как будто меня не услышал:

— А потом ты, значит, выстрелил в маму?

— Я не нарочно, она хотела отнять у меня револьвер, она рассердилась и кричала, что я придурок, как папа, и выстрел получился как-то сам собой.

Несколько секунд я боролся со слезами, сначала они щекотали горло, а потом всё-таки навернулись на глаза, и я уже ничего не видел.

— Всё позади, малыш, ну-ну, успокойся, на, возьми мой платок.

Я вытер платком глаза, а у меня ещё и сопли текли, так что я заодно высморкался.

— А другие родственники у тебя есть, малыш?

— Нет, только мама.

Я вернул платок, и он убрал его в карман.

— Хорошо, поедешь со мной в участок, позвоним оттуда судье.

— Судья — это месье, который стучит молотком и отправляет преступников в тюрьму?

— Ты не преступник, малыш, ты слишком маленький для того, чтобы тебя отправили в тюрьму. Судья отправит тебя в дом, где живут такие же дети, как ты.

— А мама тоже туда приедет?

Реймон почесал затылок и сказал:

— Твоя мама навсегда останется в твоём сердце и твоей памяти, но здесь её больше нет.

— А где она? Уехала в город?

— Нет, малыш, она на небе, с ангелами.

— Нет, — сказал я. — Не с ангелами, а с папой.

Когда мы вошли в участок, какой-то полицейский сказал: «Что, Реймон, нашёл себе напарника?», и тогда Реймон посмотрел на полицейского, а тот посмотрел на свои ботинки.

Я уселся у Реймона в кабинете, и второй полицейский больше не смеялся, а вместо этого принёс мне горячий шоколад в пластиковом стакане, и побыл со мной, пока Реймон разговаривал по телефону в соседнем кабинете, и спросил у меня, что я натворил, чтобы попасть сюда, и я сказал, что промахнулся, когда стрелял из револьвера в небо, а вот с мамой всё получилось как раз наоборот, и полицейский разинул рот от удивления и так и сидел, пока не вернулся Реймон.

— Дюгомье, рот закрой, а то муха залетит, — сказал Реймон полицейскому. — Лучше сходи принеси мне кофе.

А потом он повернулся ко мне:

— Ну вот, малыш, я поговорил с судьёй и сейчас отвезу тебя в приют рядом с Фонтенбло, там есть для тебя место, а с судьёй ты увидишься позже.

— Что такое приют?

— Большой дом, там целый воз детей и воспитателей, которые будут о тебе заботиться.

— Кто такие питатели?

— Питатели? — растерянно переспросил он.

— Ты сказал: «Там воз детей и воз питателей».

— Воспитатели. Это такие люди, которые занимаются образованием детей.

— А эти питатели бьют по заднице?

— Нет, и никогда не кричат — если, конечно, ты не выведешь их из себя, но ты не похож на несносного ребёнка, малыш.

У меня в горле опять стало щекотно, но я проглотил слёзы.

Я сидел на стуле и болтал ногами, а в руках у меня был пластмассовый стаканчик, ещё горячий, и мне нравилось чувствовать пальцами его тепло и слушать голос этого великана, который сидел передо мной верхом на стуле.

Он не очень хорошо побрился, у него было много волосков на шее и ещё немного торчало из ушей. У него вспотели лоб и подмышки, верхняя губа тоже была мокрая, некоторые капельки пота с губы он глотал и сам этого не замечал.

— А ты останешься со мной в большом доме? — тихо спросил я.

— Нет, Икар, я не могу.

— И когда мы туда поедём?

— Прямо сейчас, — ответил Реймон и встал со стула.

Он позвал Дюгомье, который давно смотрел на нас из соседнего кабинета...

— Займись делом Мерлена, я буду к вечеру.

Дюгомье спросил, может, я хочу ещё шоколада, и я сказал: «Да, хочу», но Реймон сказал: «Не время», и тогда я заплакал, и Реймон пошёл за шоколадом.

Я пил маленькими глотками пополам со слезами, которые капали в стакан, а потом мы уехали.

На шоссе Реймон включил радио, там пела Селин Дион, и я вспомнил, что мама поёт эту песню, когда ставит в воду полевые цветы. У меня заурчало в животе, и я сказал:

— Хочу есть.

Мы заехали в «Макдоналдс», я взял себе чизбургер и колу, и Реймон — то же самое.

— Не волнуйся, малыш, всё наладится, — сказал он.

Я рыгнул, потому что так бывает, когда пьёшь колу, и добрый полицейский засмеялся.

— Знаешь, зови меня Кабачком. Я тебе с самого начала сказал, но ты не услышал. Икаром меня называет только учительница, и иногда я даже не сразу отзываюсь, потому что думаю, что это она говорит кому-то другому.